

Н. С Л А Д К О В

ПЕСЕНКИ ПОДО ЛЬДОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Ч И Т А Е М С А М И

Н. СЛАДКОВ

ПЕСЕНКИ ПОДО ЛЬДОМ

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

Издательство „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ Москва 1967

Удивительную Зелёную страну населяют удивительные жители: в перьях, в шерсти, в чешуе! Только там можно встретить вежливую галку, услышать песенки подо льдом, увидеть пляску лисы. Или узнать, почему зяблика зовут зябликом.

Встречи там неожиданны, знакомства негладанны. Голоса звучат неслыханные, краски горят невиданные. А уж загадки там — на каждом шагу.

Всё есть у тебя для путешествия в эту страну. Ноги, чтобы идти. Уши, чтобы слышать. Глаза, чтобы видеть. И голова, чтобы всё понять.

А лежит та страна не за морями, не за горами, а рядышком — за околицей.

ПЕСЕНКИ ПОДО ЛЬДОМ

Это случилось зимой. У меня запели лыжи! Я бежал на лыжах по озеру, а лыжи пели. Хорошо пели, как птицы.

А вокруг снег и мороз. Слипаются ноздри и стынут зубы.

Лес молчит, озеро молчит. Петухи в деревне молчат. А лыжи поют!

И песенка их — как ручеёк, так и льётся, так и звенит. Но ведь не лыжи же, в самом деле, поют, где уж им, деревянным! Подо льдом кто-то поёт, прямо у меня под ногами.

Уйди я тогда, и подлёдная песенка осталась бы чудесной лесной загадкой. Но я не ушёл...

Я лёг на лёд и свесил голову в чёрный провал.

За зиму вода в озере усохла, и лёд навис над водой, как лазоревый потолок. Где навис, а где обрушился, и из тёмных провалов курчавится пар. Но ведь не рыбы же поют там птичьими голосами? Может, и вправду там ручеёк? Или, может, звенят рождённые из пара сосульки?

А песня звенит. Живая она и чистая; такую ни ручью, ни рыбам, ни сосулькам не спеть. Такую только одно существо на свете может спеть — птица...

Я стукнул лыжей по льду — песенка смолкла. Я постоял тихо — песенка зазвенела опять.

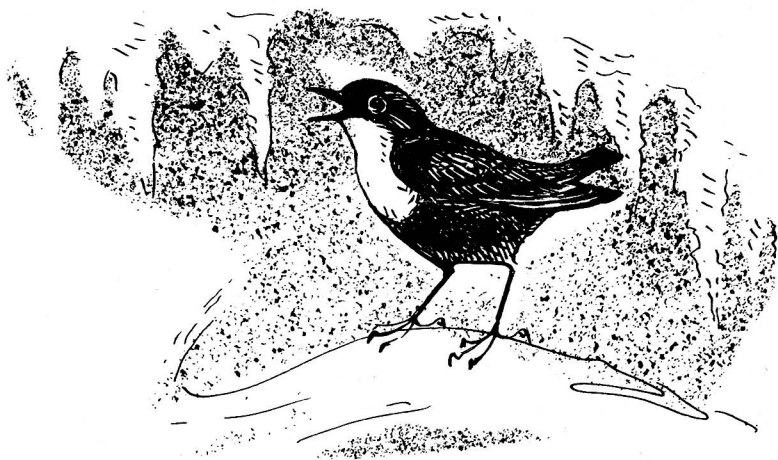
Тогда я что есть силы стукнул лыжей об лёд. И сейчас же из тёмного провала выпорхнула чудо-птица. Села она на край полыньи и трижды мне поклонилась.

— Здравствуй, подлёдная певунья!

Птичка опять кивнула и спела на виду подлёдную песню.

— А я ведь знаю тебя! — сказал я. — Ты оляпка — водяной воробей!

Оляпка ничего не ответил: он умел только кланяться и вежливо приседать. Снова юркнул

он под лёд, и оттуда загремела его песня. Ну и что, что зима? Подо льдом ведь ни ветра, ни мороза. Подо льдом чёрная вода и таинственный зелёный полумрак. Там, если погромче свистнуть, всё зазвенит: эхо помчится, стучаясь о ледяной потолок, увешанный звонкими сосульками. Чего бы оляпке не петь!

А нам чего бы его не послушать.

ВЕЖЛИВАЯ ГАЛКА

Много у меня среди диких птиц знакомых. Воробья одного знаю. Он весь белый — альбинс. Его сразу отличишь в воробьиной стайке: все серые, а он белый.

Сороку знаю. Эту я по нахальству отличаю. Зимой, бывало, люди за окно продукты вывешивают, так она сейчас же прилетит и всё растреплет.

А вот галку одну я приметил за её вежливость.

Была метель.

Ранней весной бывают особые метели — солнечные. Снежные вихри завиваются в воздухе, всё сверкает и несётся! Каменные дома похожи на скалы. Наверху буран, с крыш, как с гор, текут снежные водопады. Сосульки от ветра растут в разные стороны, как косматая борода деда-мороза.

А над карнизом, под крышей, есть укромное местечко. Там два кирпича из стен выпали. В этом углублении и устроилась моя галка. Чёрная вся, только на шейке серый воротничок. Галка грелась на солнце, да ещё и расклёвывала какой-то лакомый кусок. Уютное местечко!

Если бы этой галкой был я, я бы никому такое местечко не уступил!

И вдруг вижу — подлетает к моей большой галке другая, поменьше и цветом потусклее. Прыг-скок по карнизу. Круть-верть хвостом! Села напротив моей галки и смотрит.

Ветер её треплет — так перья и заламывает, так белой крупой и сечёт!

Моя галка кусок свой схватила в клюв — и шась из углубления на карниз! Тёпленькое местечко чужой уступила!

А чужая галка хватать у моей кусок из клюва — и на её тёпленькое местечко. Лапкой чужой кусок прижала — клюёт. Вот бессовестная!

Моя галка на карнизе — под снегом, на ветру, без еды. Снег её сечёт, ветер перья заламывает. А она, глупая, терпит! Не выгоняет маленькую.

„Наверное, — думаю, — чужая галка очень старая, вот ей место и уступают. А может, это всем известная и всеми уважаемая галка? Или, может, она маленькая, да удаленькая — драчунья“. Ничего я тогда не понял...

А недавно вижу: обе галки — моя и чужая — сидят себе рядышком на старой печной трубе и у обеих в клювах прутики.

Эге, гнездо строят! Тут уж каждый поймёт.

И маленькая галка совсем не старая и не драчунья. Да и не чужая она теперь. И, уж конечно, не всеми уважаемая.

А моя знакомая галка — не галка, а гал!

Но всё равно мой знакомый гал очень вежливый. Я такого первый раз вижу.

НОВЫЙ ГОЛОСОК

Три яичка лежали в гнезде чайки: два неподвижно, а третье шевелилось. Третьему не терпелось, оно даже посвистывало! Будь его воля, оно бы так и выскочило из гнезда и, как колобок, покатилося бы по бережку!

Возилось яичко, возилось и стало тихонько похрустывать. Выкрошилась на тупом конце дырочка. И в дырочку, как в оконце, высунулся птичий нос.

Птичий нос — это и рот. Рот открылся от удивления. Ещё бы: стало вдруг в яйце светло и свежо! Глухие доселе звуки зазвучали властно и громко. Незнакомый мир ворвался в уютное и скрытное жилище птенца. И чайчонок на миг оробел: может, не стоит совать свой нос в этот неведомый мир?

Но солнце грело ласково, глаза привыкли к яркому свету. Качались зелёные травинки, плескали ленивые волны.

Чайчонок упёрся лапками в пол, а головой в потолок, нажал, и скорлупа расселась. Чайчонок так испугался, что громко, во всё горло, крикнул: „Мама!“

Так в нашем мире одной чайкой стало больше. В хоре голосов, голосищ и голосишек зазвучал новый голосок. Был он робок и тих, как писк комара. Но он звучал, и его слышали все.

Чайчонок встал на дрожащие ножки, поёрзал шерстинками крыльев и смело шагнул вперёд: вода так вода!

Минует ли он грозных щук и выдр? Или путь его оборвётся на клыках первой же хитрой лисы?

Крылья матери-чайки распластались над ним, как руки, готовые прикрыть от невзгод.

Покатил в жизнь пушистый колобок.

ВЕСЕННЯЯ БАНЯ

Ванятка считал себя знатоком птиц. Ему приходилось держать в клетках чижей, чечёток, снегирей, синиц, щеглов, клестов, зяб-ликов. А сегодня вышел Ванятка из школы и видит: на краю снеговой лужи сидят три совершенно незнакомые птички ростом с воробья. Одна чёрная, другая коричневая, а третья вовсе рыжая.

Прыг-прыг-прыг — по гузку, по самый хвостик — в лужу, и ну купаться! То грудку окунут в воду, то на задок присядут и бьют, бьют тупыми крылышками по воде, трепыхаются в ней. Брызги над ними, как фейерверк: в каждой капельке искорка солнца.

Выскочили из лужи и, встряхнув мокрые крылышки, взъерошенные, перелетели на песчаную дорожку. И вот глупыши! — давай барахтаться в грязном песке. Песок к перу липнет — измазались все! Не поймёшь, какого и цвета стали.

Скоро так песком облипли, что и летать не могут. По земле поскакали. Прыг-дрыг-скок — и опять в лужу! Опять над ними солнечный фейерверк да ещё радуга в брызгах. Моются, стараются.

Выкупались, вымылись — и выскочили на бережок.

Ванятка так и ахнул:

— Воробьи! Все трое обыкновеннейшие воробьи!

Все трое серенькие, свеженькие такие, чистенькие. А вот вода в луже стала грязной...

Понял Ванятка: воробьи так за зиму измазались, что и на себя стали не похожи. Это они сейчас в бане мылись, зимнюю грязь с себя смывали. С песочком тёрли!

Чёрный сажу смывал: он всю зиму в дымовой трубе ночевал.

Коричневый спал в сыром дупле, в гнилой трухе вымазался.

Рыжий в кирпичной стене устроился, в дырке.

Вот и стала вода в луже чёрно-кирпично-коричневой.

— С лёгким паром! — крикнул Ванятка воробьям и побежал домой, разбрызгивая ногами весенние лужи.

ПОЧЕМУ ЗЯБЛИК—ЗЯБЛИК?

Давно я дознавался, почему зябликов зябликами зовут?

Ну славка-черноголовка — понятно: у самчика беретик чёрный на голове.

Зарянка — тоже ясно: поёт всегда на заре и нагрудничек у неё цвета зари.

Овсянка — тоже: на дорогах всю зиму овёс подбирает.

А вот почему зяблик — зяблик?

Зяблики ведь совсем не зяблики. Весной прилетают, как только снег сойдёт, осенью часто до нового снега задерживаются. А бывает, кое-где и зимуют, если корм есть.

И всё-таки назвали вот зяблика зябликом!

Этим летом я, кажется, эту загадку разгадал.

Шёл я по лесной тропинке, слышу — зяблик гремит! Здорова поёт: головку запрокинул, клюв разинул, на горлышке пёрышки дрожат — будто он горло водой полощет. И песенка из клюва так и брызжет: „Витт-ти-ти-ти, ви-чу!“ Даже хвостик трясётся!

А тут вдруг тучка наплыла на солнце: накрыла лес тень. И зяблик сразу сник. Нахохлился, насупился, нос повесил. Сидит недовольный и уныло так произносит: „Тр-р-р-рю, тр-р-р-рю!“ Будто у него от холода зуб на зуб не попадает, таким дрожащим голосом: „Тр-рю-ю!“

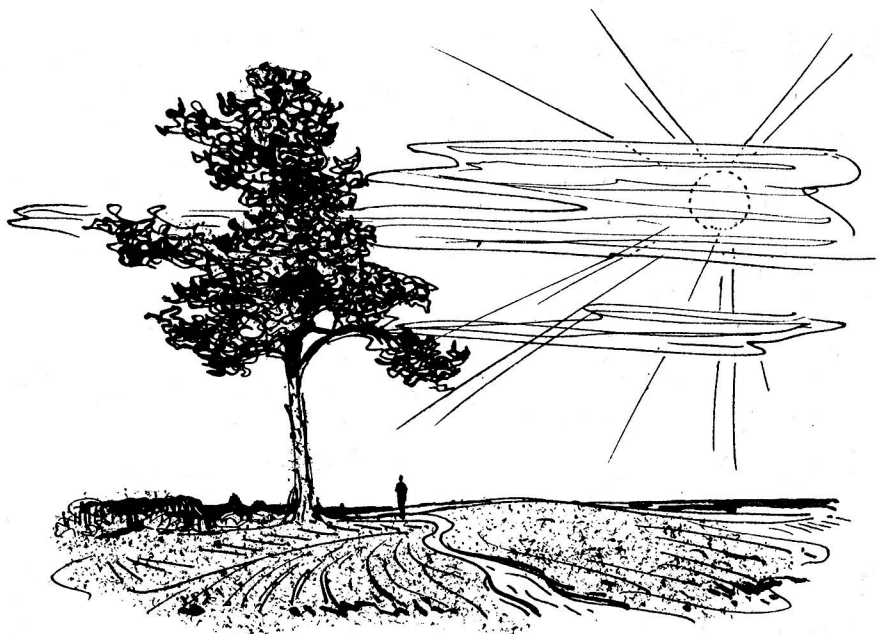
Кто такого увидит, сразу подумает: „Ишь зяблик какой! Чуть солнце за тучку, а он уже и нахохлился, задрожал!“

Вот почему зяблик стал зябликом!

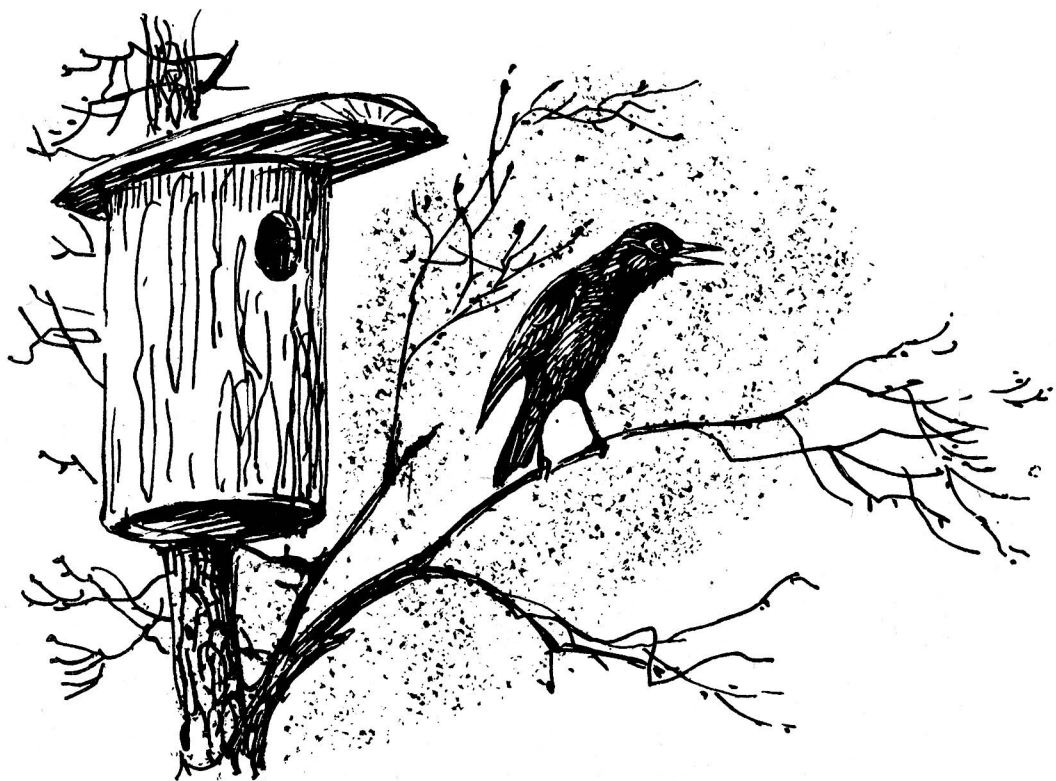
У всех у них такая повадка: солнце за тучу, зяблики за своё „трю“.

И ведь не от холода: зимой-то и похолоднее бывает.

Разные на этот счёт есть догадки. Кто говорит — у гнезда беспокоится, кто — перед дождём так кричит. А по-моему, недоволен он, что солнце спряталось. Скучно ему без солнца. Не поётся! Вот он и брызжит.

Впрочем, может, и я ошибаюсь. Разузнайте-ка лучше сами. Не всё же вам готовенькое в рот класть!

ЧИЖИК

Ласточка день начинает, соловей кончает.
А между ласточкой и соловьём любит петь
скворец. В песне скворчиной чего не услы-
шишь! Есть там и ласточка, есть соловей и
много других птиц. И никого это не удив-
ляет: все знают, что скворец — пересмешник.

Знали это и мы, но скворец нас удивил.
Сидел он на лиловой ольшинке у дома, взма-

хивал крыльями и насвистывал „Чижики“! Здорово так высвистывал: „Чижик, чирик, где ты был?“ Потом разная скворчиная болтовня, тягучий печальный свист и опять бодро и весело: „Чижик, чирик, где ты был?“

Мы постучали в дверь ближнего дома. Вышел паренёк, посмотрел на нас, потом на скворца и сказал:

— Мой скворчик. Я научил.

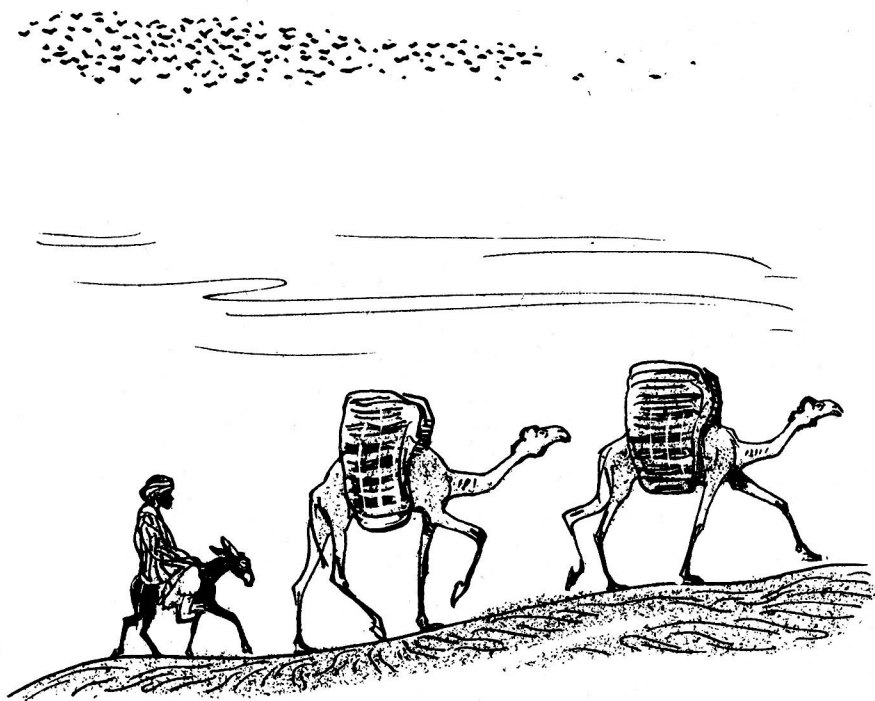
Случилось всё так. Выпал прошлым летом из скворечни голопузый скворчонок. Мальчонка хотел его назад положить, да не смог: уж больно тонок был у скворечни шест. Стал он кормить сироту рубленым яйцом и творогом. Скворчонок быстро рос и скоро стал есть сам: кормилец за стол — приёмный на стол, поилец за чай — скворчонок в чай. Тут обоих из-за стола долой!

Сидит кормилец в углу и „Чижики“ под нос свистит. Сидит скворчонок у него на плече и прямо в рот смотрит. Сидел так, смотрел, да и сам „Чижики“ выучил. И называли за это скворчонок Чижикиком.

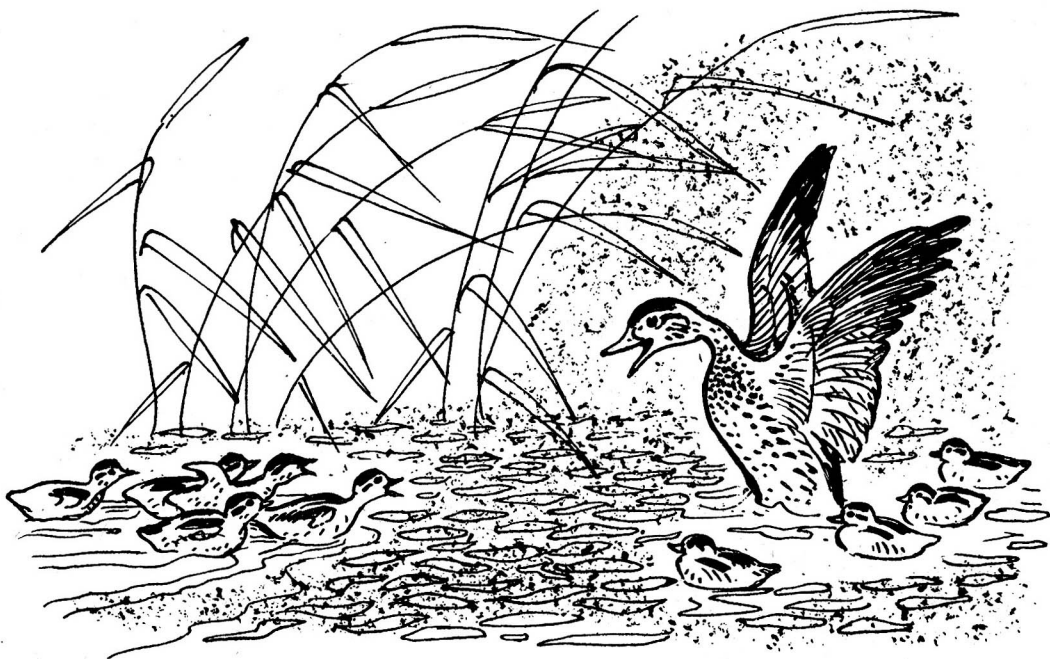
Осенью дикие скворцы сбились в стаи и потянули на юг. Жалко мальчишке стало Чижики, вынес он его на луг и подпустил к дикой стайке. Прошумели птичьи крылья, и нет никого.

Долго тянулась зима. Мальчишка скучал без скворца и один насвистывал „Чижика“. А скворец его не забыл: примчался весной жив и здоров!

Слушали мы скворца до соловьиного часа. Не близка была его дорога домой: крошечная

птаха и необъятный горизонт. Где, бродяжка, зиму зимовал, какие земли видел? Чи-жик, Чижик, где ты был?..

ПРИЁМЫШИ

Я сидел на озере, задвинув лодку в тростник.

Был полдень — тихий и сонный. По зелёным тростникам лениво ползли золотые солнечные колечки. Как хорошо!

В тростнике зашуршало. Кто-то продирался сквозь тесные стебли.

Вот дрогнули тростинки — высунулся плоский нос. Тотчас и по носу, как по тростнику, заколыхались солнечные колечки.

Утка!

У всех уток всегда деловой, ужасно занятой вид. Но эта маленькая утица — с носом в колечках, с ярко-зелёными зеркальцами на крыльях, — эта чируша была сама озабоченность. Она тихо крикнула и, упираясь перепончатыми лапами, продралась вперёд, на чистую воду. За ней гуськом, по пробитой дорожке, торопились пуховые утята — хлопунцы лапчатые.

Последний — самый маленький — отстал. Заспешил, подскочил — и попал шейкой между двумя стеблями тростника, заклинился и повис в воздухе. Запищал отчаянно и лапками зашлёпал по воде.

Утица, хлеща жёсткими крыльями по воде, ринулась назад. Схватила утёнка носом за мягкую шейку, подняла и понесла на чистую воду. Глупыш и в материнском клюве пищал и дрыгал ногами.

Много, ох, много трудов приняла утица, пока вывела своих утят из болота, где было её гнездо, на открытый плёс. Вот и последнего брыкуна вытащила и пустила на воду. Сама окунула головку, вскинулась столбиком, забила в воздухе крыльями — и закрикала что-то своё, утиное, радостное... Да вдруг так столбиком и ушла вниз, под воду, — захлебнулась на утином полслове.

Утята захлопали по воде культяпочками и бегом — лапками по воде — в тростники.

А там, где исчезла утица, звонко, как ладонью, хлопнул по воде рыбий хвостище — и побежали, побежали по воде круги до самого того места, где я сидел. Сердито застучали тростинки друг о друга, будто костяные палочки.

Вот так сомище!

Бедные юнцы-хлопунцы! Как без утицы будете? Кто сигнал тревоги подаст, кто под крылом согреет? Кто за шейку из беды вытащит?

Завозился я в лодке, шлёпнул веслом по воде, — хоть напугаю губатого обжору!

И вдруг радостный утиный крик!

Утица чируша стоит на воде, крыльями бьёт и кричит, кричит! Только это другая утица, не та...

Она тоже вывела хлопунцов своих на широкую воду — вот и празднует, и кричит от радости. И хлопунцы другие: совсем ещё маленькие. Плоские носики на зобок уложили; щёчки пухленькие, в жёлтом пушке.

Утица — один глаз в небо: не летит ли хищный лунь? Другой вниз: нет ли под водой врага? Крякнула — и поплыла вдоль стены тростников.

И утята за ней гуськом, один за другим. И все вниз, в воду смотрят: первый раз себя в зеркале увидели. Увидели — и сами себе очень понравились.

„Где-то сейчас те сироты утята?“ — подумал я.

А они тут как тут! Выплывают из тростника, культяпочками по воде бьют — спешат вдогон за утицей.

Вот догнали, пристроились к её утятам в хвост — тоже гуськом, один за другим. Только росточком чуть побольше, а то бы и не отличить.

Утица задержалась, повернула назад. Каждого утёнка носом тронула, будто пересчитала. И то ли в счёте она слаба, или тут другое что, — только не прогнала она чужих утят. Сказала им что-то по-своему, по-утиному, и вся большая семья — свои и приёмные — скрылась в тени нависшего над водой куста ольхи.

Тихая волна от утицы с утятами еле дошла до тростников, где я сидел. По зелёным тростникам снизу вверх — до самых серебряных метёлок — наперегонки побежали улыбчивые золотые солнечные колечки. Ай да утица — плоский нос!

Как хорошо!

ЛИСА-ПЛЯСУНЯ

Ну и погодка, чтоб ей ни дна ни по-
крышки!

Дождь, слякоть, холод, прямо — бррр!..
В такую погоду добрый хозяин собаку из
дому не выпустит.

Решил и я свою не выпускать. Пусть дома
сидит, греется. А сам взял ружьё, взял би-
нокль, оделся потеплее, надвинул на лоб
капюшон — и пошёл. Любопытно всё-таки по-
глядеть, что в такую непогоду зверьё делает.

И только вышел за околицу, вижу — лиса! Мышкует — промышляет мышей. Рыскает по жнивью — спина дугой, голова и хвост к земле — ну чистое коромысло!

Вот легла на брюхо, ушки торчком — и поползла: видно, мышей-полёвок слышала. Сейчас они то и дело вылезают из норок — собирают себе зерно на зиму.

Вдруг вскинулась лиска всем передом, потом пала передними ногами и носом на землю, рванула — вверх взлетел чёрный комочек. Лиса разинула зубастую пастишку, поймала мышь на лету. И проглотила, даже не разжевав.

Да вдруг и заплясала!

Подскакивает на всех четырёх ногах, как на пружинках. То вдруг на одних задних запрыгает, как цирковая собачка — вверх-вниз, вверх-вниз! Хвостом машет, розовый язычок от усердия высунула.

Я давно лежу, в бинокль за ней наблюдаю. Ухо у самой земли — слышу, как она лапками топчет. Сам весь в грязи вымазался.

А чего она пляшет — не пойму! В такую погоду только дома сидеть, в тёплой, сухой норе! А она вон чего выкомаривает, фокусы какие ногами выделявает!

Надоело мне мокнуть — вскочил я во весь

рост. Лиса увидела — тьякнула с испугу. Может, даже язык прикусила. Шасть в кусты — только я её и видел!

Обошёл я жнивье и, как лиса, всё себе под ноги гляжу.

Ничего примечательного: размокшая от дождей земля, порыжелые стебли.

Лёг тогда по-лисьему на живот: не увижу ли чего так?

Вижу: много мышиных норок. Слышу: в норках мыши пищат.

Тогда вскочил я на ноги и давай лисий танец отплясывать! На месте подскакиваю, ногами топочу.

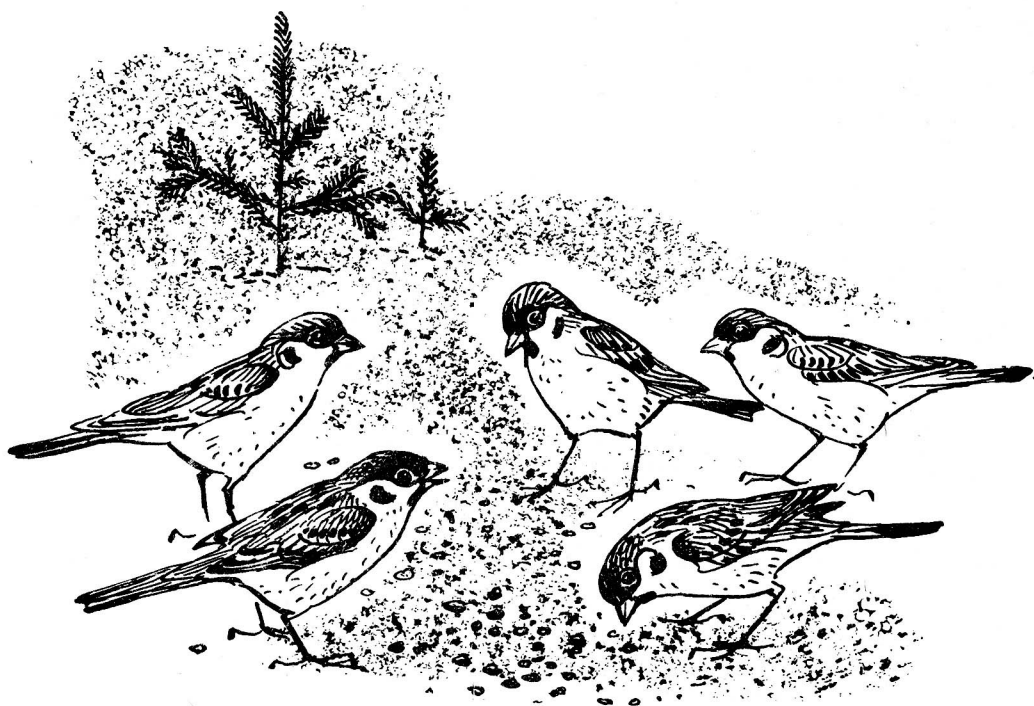
Тут как поскачут из-под земли перепуганные мыши-полёвки! Из стороны в сторону шарахаются, друг с другом сшибаются, пищат пронзительно... Эх, был бы я лисой, так...

Да что тут говорить: понял я, какую охоту испортил лисичке. Плясала — не баловала, мышей из их норок выгоняла... Был бы у неё тут пир на весь мир!

Оказывается, вон какие звериные штучки можно узнать в такую погоду: лисьи пляски!

Плюнул бы я на дождь и на холод, пошёл бы других зверей наблюдать, да собаку свою пожалел. Зря её с собой не взял.

Скучает, поди, в тепле под крышей.

БЕЗ СЛОВ

— Чего они, дурачки, меня боятся? — спросила Люся.

— Кто боится тебя? — спросил я.

— Воробьи.

В скверике прыгали воробьи. Люся кидала им крошки, а они в страхе улетали.

— Почему они улетают? — удивлялась Люся.

Загадала девочка мне загадку! Действительно — почему? Раньше я не думал об этом: боятся и боятся. На то они и дикие птицы. Но вот девочка хочет их накормить, воробьи голодны. Но они улетают. Почему?

— Почему они меня боятся? Я ведь никогда их не обижала! — говорит Люся.

— Ты не виновата, — успокаиваю я её.

— А кто виноват?

— Мы виноваты. Все-все. Одни — потому что всегда птиц обижали; другие — потому что позволяли обижать.

— Но за что же их обижать? Они ведь маленькие...

— Ничего, — сказал я Люсе. — Ты бросай и бросай им крошки, и они поймут, что ты им друг.

— Вы думаете, они поймут?

— Непременно поймут! Ведь поняли же они, что надо спастись, когда в них кидают камни.

— Я им скажу, что я бросаю не камни, а крошки!

— Ничего не нужно говорить, Люся. Они поймут без слов.

— Без слов? А я-то думала, что они дурачки! — сказала Люся.

Птицы поняли Люсю.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗВЕРЬ

Кошка ловит мышей, чайка ест рыбу,
мухоловка — мух. Скажи, что ты ешь, и я ска-
жу, кто ты.

И слышу я голосок:

— Угадай, кто я? А ем я жуков и му-
равьёв!

Я подумал и твёрдо сказал:

— Дятел!

— Вот и не угадал! Ещё я ем ос и шмелей!
— Ага! Ты птица-осоед!
— Не осоед! Ещё я ем гусениц и личинок.
— Гусениц и личинок любят дрозды.
— А я не дрозд! Ещё я грызу сброшенные лосями рога.

— Тогда ты, наверно, лесная мышь.
— И вовсе не мышь. Бывает, я ем даже мышей!

— Мышей? Тогда ты, конечно, кошка.
— То мышка, то кошка! И совсем ты не угадал.

— Покажись! — крикнул я. И стал вглядываться в тёмную ель, откуда слышался голосок.

— Покажусь. Только ты признай себя побеждённым.

— Рано! — ответил я.

— Иногда я ем ящериц. А изредка рыбу.

— Может, ты цапля?

— Не цапля. Я ловлю птенцов и таскаю из птичьих гнёзд яйца.

— Похоже, что ты куница.

— Не говори мне про куницу. Куница — мой старый враг. А ем я ещё почки, орехи, семена ёлок и сосен, ягоды и грибы.

Я рассердился и крикнул:

— Скорей всего, ты — свинья! Ты лопаешь

всё подряд. Ты одичавшая свинья, которая сгруппе забралась на ёлку!

— Сдаёшься? — спросил голосок.

Ветки качнулись, раздвинулись, и увидел я... белку!

— Запомни! — сказала она. — Кошки едят не только мышей, чайки ловят не только рыбу, мухоловки глотают не одних мух. А белки грызут не одни орешки.

СОДЕРЖАНИЕ

Песенки подо льдом	3
Вежливая галка	6
Новый голосок	9
Весенняя баня	11
Почему зяблик — зяблик?	14
Чижик	17
Приёмышы	20
Лиса-плясунья	24
Без слов	27
Загадочный зверь	29

Для младшего школьного возраста

Сладков Николай Иванович

ПЕСЕНКИ ПОДО ЛЬДОМ

Маленькие рассказы

Ответственный редактор *Л. И. Доукиа*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*.
Технический редактор *Г. А. Подольная*. Корректор *В. К. Мирингоф*.
Сдано в набор 23/XI 1966 г. Подписано к печати 13/II 1967 г. Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 2.
Усл. печ. л. 2.34. Уч.-изд. л. 1.53. Тираж 750 000 экз. ТП 1967 № 273. Цена 5 коп. на бум. № 2.
Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 921.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство „Детская литература“ выпускает для вас серию книг „Ч и т а е м с а м и“.

В 1967 году в этой серии выйдут следующие книги:

ДЕВОЧКА И ЛИСА.

Русские народные сказки, пословицы и загадки про лису

СУРКА.

Рассказы о животных К. Ушинского, Л. Толстого, С. Аксакова, народные песни и загадки

Толстой А. ЖЕЛТУХИН.

Рассказ

Благинина ТЮЛЮЛЮЙ.

Стихи и сказки

Воронкова Л. ЖИВОЙ ФОНАРИК.

Три рассказа: „Синее облачко“, „Живой фонарик“, „Катины бусы“

Нарشان С. РАДУГА.

Стихи: „Радуга“, „Вьюга“, „Карусель“, „Кот и лодыри“ и др.